

СИМВОЛИЧЕСКИЕ ОБЪЕКТЫ В СТОЛИЧНОЙ ГЕТЕРОТОПИИ БАКУ

*Иванов Л.А.¹, Арцыбашева К.В.^{2,3}, Исаков М.А.¹, Ангельчук А.А.¹,
Белых М.Н.¹, Бигильдин Р.А.¹, Борисенко М.А.², Васильева А.В.¹,
Гатауллина Л.Р.⁴, Дохов Р.А.^{1,2}, Зеленин Л.И.¹, Ивлиева О.Д.⁵,
Игнатенко П.Ю.⁴, Костюк А.А.², Лаврентьева А.А.²,
Ламской К.В.^{1,6}, Лысенко В.А.², Манерова С.С.², Митин Д.Д.¹,
Мозолевская И.В.¹, Мокрушин А.С.², Мухамеджанов А.Р.²,
Пилецкая А.В.², Рачев П.А.⁷, Сеслюкова И.Н.¹, Славин А.И.²,
Соболевская А.П.¹, Топников М.А.^{2,6}, Фоменков Г.К.², Фомин Д.В.²,
Шкуренок М.П.², Щеглова Е.А.²*

¹ *Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
географический факультет, кафедра социально-экономической
географии зарубежных стран*

² *Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»*

³ *Институт Латинской Америки РАН*

⁴ *FitnessData*

⁵ *Helmholtz Centre for Environmental Research – UFZ*

⁶ *Институт географии РАН*

⁷ *Федеральный ресурсный центр Министерства
экономического развития РФ*

Введение. Символические объекты исполняют в застроенном пространстве роль метафоры, погружающей в образ города. Особенно такие объекты важны в столицах, где они должны как репрезентировать всю страну миру, так и выступать представителями регионов, а также подчеркивать временную преемственность текущего состояния с воображаемой непрерывной историей. Повышенная знаковая, сигнификативная функция символических объектов часто вводит их в конфликт с непосредственным окружением: будучи необходимыми государству вообще, они выступают обременением для городского района, в котором оказываются. Современный Баку активно насыщается символическими объектами, локализуя обе знаковые потребно-

сти Азербайджана: как в представлении и продвижении успешного образа молодого государства миру, так и ускоренного формирования идентичности собственных граждан. Многочисленные яркие символы разрывают ткань городского пространства, создавая параллельную, хотя и локализованную рядом с повседневностью жителей, реальность другого, недоступного обычному горожанину мира китча и амбиций. Пространственная логика формируемой таким образом городской гетеротопии Баку – предмет настоящей статьи.

Теории городских символических объектов. Гипертрофированная роль символической политики в городском развитии приводит к тому, что центральным аргументом выбора функции места становится ее будущая заметность. При этом возникает связка локального масштаба города и глобального символического масштаба: наиболее заметные, значимые места города должны быть заняты наиболее выразительными объектами, выражающими ключевые составляющие желаемого образа города. Привлекательные и яркие сооружения, спроектированные звездными иностранными архитекторами, отреставрированные «до блеска» (часто не считаясь с подлинностью) исторические здания, выставочные и событийные пространства организуют город вокруг материальности и видимости здания [King, 1996]. Туан [1974] отмечал, что символом становится такое здание, которое «захватывает воображение через новизну и огромность». Такие объекты призваны подтверждать глобальный статус города [Cartier, 1999], наносить его на карту и вписывать в общую иерархию. Глобальность требует также выражения показного потребления, гламура, китча, навязчивого желания «соответствовать статусу» через три главных инструмента [Терборн, 2021]: вертикальность, подчеркнутая новизна, эксклюзивность. Будучи помещенными в городское пространство, символические объекты закрепляют их статус, позволяют включиться в логику пространственной диффузии символов [Аксенов, Андреев, 2021]. Локальная заметность в городском ландшафте призвана сделать город заметным в мире, иконически манифестировать причастность (небольшой части) его жителей к глобальному капиталистическому классу [Sklair, 2017].

Конг [Kong, 2007] анализирует возможные сценарии взаимодействия между двумя символическими полями и обращает внимание на

значимость типа городского политического режима для реализации одного из них: чем демократичнее режим, тем больше у локальных сообществ возможностей контекстуализировать объекты-локализации глобальных или национальных символов.

Ключевую роль для понимания пространственной логики такого взаимодействия играет теория межмасштабного конфликта власти [Smith, 1992; Brenner, 2019]. Консолидация городского масштабного уровня происходит в силу единства рынка труда и дифференциации стоимости земли, тогда как локализация власти странового или над-национального уровня происходит в иных пространственных логиках. Результатом становится конфликт функции места, реализующийся через формирование городских гетеротопий [Foucault, 1986] – территорий, организованных иным образом, чем остальные, и исключенных из общих логик производства пространства.

Й. Терборн [2021] обращает внимание на то, что именно столичные города, в том числе в физической организации своей застройки, формируют идентичность, локализуя ее репрезентации. Он предлагает 4 типа столиц по форме «пути к современности», из которых Баку в большей степени относится к городам «реактивной модернизации» с некоторыми чертами постколониальных столиц.

Авторитарный контекст символического урбанизма. Баку – яркий пример влияния символической политики на морфологию города. После обретения независимости и прихода в страну «нефтяных денег», Азербайджан выбрал стратегию превращения столицы в витрину для всего мира [Darieva, 2011]. Ключевой функцией новых зданий стала эстетическая: постсоветскому Баку было важно выйти из тени советского прошлого [Diener, Hagen, 2013] и создать новую идентичность. Вдохновившись опытом быстрорастущих нефтяных городов Персидского залива, власти проявляли стремление укрепить статус города [Valiyev, 2016]. В Баку начали появляться эффектные, дорогие объекты, флагманом среди которых стали Пламенные башни. Визуальное решение этих доминирующих над городом небоскребов, расположенных на господствующей высоте призвано также способствовать формированию новой азербайджанской идентичности – через референцию к зороастрийскому наследию – а также экзотизировать образ для привлечения зарубежного внимания. Способствуют

этому и международные события. Для них создаются малоиспользуемые в течение года объекты – избыточные гостиницы, бизнес-центры – которые обеспечивают символическое событие, но разрывают пространство-время функциональной городской повседневности.

Появление символических объектов, как правило, влечет за собой изменение морфологии. Высотный объект должен стать ориентиром, а значит вокруг него необходимо максимизировать зону видимости. Ради этого допустимо снести существующие постройки или организовать движение людей так, чтобы они попадали в точку, откуда ориентир заметен. Установка нового памятника и мемориального комплекса около него *должна создавать* место притяжения: этому процессу можно помочь реконfigurацией дорожной сети, насыщением окружающего пространства прочими функциями.

Символические объекты в Баку иллюстрируют проявление «городского бустеризма» [Koch, Valiyev, 2015] – активного продвижения города на мировом уровне с помощью масштабных проектов. Этот механизм, как правило, работает в условиях открытой рыночной экономики, однако также используется авторитарными режимами в постсоциалистических государствах с целью конструирования имиджа власти. Основное внимание при реализации крупных проектов направлено на столицы, развитие которых связано с личными амбициями президентов. Финансирование строительства осуществляется государством за счет доходов, полученных в нефтегазовом секторе. В случае Баку масштабные символические проекты сооружаются крупными компаниями, связанными с близкими к власти предпринимателями [Valiyev, 2014].

Методы и данные исследований. Городской символизм и городская символическая политика гораздо шире, чем только появление символической архитектуры. Нас и соавторы [Nas, 2011] выделяет помимо материального дискурсивный, иконический, поведенческий и эмоциональный виды. В настоящей работе мы сосредоточимся на первом, хотя некоторые примеры представляют пограничные случаи.

Материалы этого исследования были собраны в ходе полевого экспедиционного исследования, проведенного в Баку зимой 2025 г. коллективом из 32 чел. на основе методики комплексного исследования городов, разработанной в течение последних 4 лет. Методика полевой работы представляет творческое развитие «мягкой методики райони-

рования» [Смирнягин, 2011], адаптированной для полевых исследований плотных сред. Обследование города начинается с многочасовых (6–10 часов) дрейфов [Debord, 1956] в изменяющихся каждый день разногендерных парах, в которых максимизируются профессиональные и возрастные различия участников. Таким образом достигается минимизация позиционального смещения получаемых наблюдений и максимизация внутреннего продуктивного конфликта оптик в паре, что позволяет увеличить долю нестандартных наблюдений. В ходе дрейфа участники ведут фотофиксацию без каких-либо указаний и строят маршрут интуитивно, ориентируясь на воспринимаемые ими свойства среды без помощи карт или навигаторов, но записывая трек. Через равные временные промежутки делаются остановки для первичной рефлексии, записи хроники маршрута, первичного районирования его линии. По окончании маршрута эти записи сличаются по времени с полученным треком и таким образом геокодируются, а на основе наблюдений формулируются гипотезы о строении и функционировании городских районов (или их отсутствии), которые обсуждаются на ежедневных собраниях. На основе этих материалов формулируются исследовательские гипотезы, которые далее проверяются более «жесткими» методами: построением профилей, сплошным картографированием конкретных феноменов или районов, исследованием суточных циклов конкретных городских мест, экспертными и глубинными интервью, прогулками с местными.

Типы символических объектов Баку. За 2000–2015 гг. Азербайджан заработал свыше 100 млрд долл. от продажи нефти. Значительная часть этих средств была потрачена на строительство масштабных городских объектов в Баку, создание которых не было оправдано реальным спросом со стороны населения и бизнеса [Valiyev, 2014]. На примерах наиболее ярких кейсов мы рассмотрим три типа символических объектов, которые появились в Баку в результате конструирования новой городской идентичности в условиях постсоциалистического нефтяного бума:

- объекты, точно или линейно встраиваемые в существующую городскую среду начиная с 2000-х гг.;
- площадные объекты редевелопмента промышленных зон, которые в настоящее время завершены частично;

– пригородные объекты, которые к настоящему моменту недостроены или свернуты.

Символы, встроенные в городскую среду. Пламенные башни – один из первых проектов создания крупных символических объектов в Баку (построены в 2008–2014 гг.)¹. Официально проект финансировался частными инвесторами, но фактически деньги поступали от нефтяных доходов через государственные фонды. Застройщиком по проекту американского бюро НОК Architects выступила зарегистрированная в ОАЭ и Турции компания DIA Holding, которая занималась строительством крупных объектов в Баку, формирующих новый образ города². Форма башен в виде трех языков пламени символически отсылает к зороастрийской традиции, а также к роскоши и достатку, которые появились в Баку с нефтяным бумом [Koch, Valiyev, 2015]. Все три башни имеют разное функциональное наполнение. Самая высокая 39-этажная башня вмещает 130 престижных апартаментов. В 36-этажной башне находится 5-звездочный отель Fairmont, а в 34-этажной башне расположены коммерческие офисные помещения класса А. В темное время суток медиафасад башен транслирует анимированные изображения национального флага и языков пламени.

Пламенные башни окружены функциональной коммерческой и административной пустотой (рис. 1а). С запада и с севера комплекс ограничен административными объектами: зданиями Парламента Азербайджана, Министерства обороны, Министерства национальной безопасности. Пространство вокруг исключено из городской ткани, ограничен забором, временными заграждениями и системами наблюдения. С востока к Пламенным башням прилегает жилая зона, однако она невелика и не генерирует потоков людей. К югу располагается мемориальный комплекс Аллеи Шахидов, который также представляет символический объект. Изоляцию Пламенных башен в пространстве усиливают улицы, выполняющие сугубо транзитную функцию: проспект Парламента и улица Мехти Хусейна.

¹ Flame Towers // Daax Construction. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.daaxconstruction.com/projects/flame-towers> (дата обращения 04.03.2025).

² Baku Flame Towers // НОК Architects. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.hok.com/projects/view/baku-flame-towers/> (дата обращения 04.03.2025).



Рисунок 1 – Новый образ Баку:

а) Аллея Шахидов и Пламенные башни; б) перспектива бульвара; в) новые деловые центры на набережной. Источник: участники экспедиции

Аллея Шахидов – символически и визуально связанный с Пламенными башнями мемориальный комплекс, посвященный событиям «Черного января», ставший одним из главных мест конструирования новой национальной идентичности (рис. 1а). Расположенный на холме с видом на город и Бакинскую бухту, этот объект пережил череду функциональных трансформаций с связи с изменениями политического режима. В XIX в. здесь были расположены мусульманское и христианское кладбища, которые впоследствии пополнились захоронениями погибших в армяно-азербайджанском конфликте 1918 г. В советское время мемориальная функция места была замещена рекреационной: кладбище было разрушено, а на его месте разбит парк имени С.М. Кирова. Тем не менее, Нагорный парк (или парк Кирова), появившийся в 1930-е гг., помимо рекреационной функции, поместил в символически значимое место топоним и монументальные (заметные с набережной) памятники, олицетворявшие советскую власть. В 1992 г. монумент Кирову был снесен, однако осевая пространственная структура советского парка легла в основу мемориального комплекса в память о погибших 20 января 1990 г. В 1996 г. на турецкие деньги была построена Мечеть мучеников. На смотровой площадке в 1998 г. появился вечный огонь, оформленный в стиле азербайджанской средневековой архитектуры [Sayfutdinova, 2014]. Аллея Шахидов локализует симво-

лы конструирования национальной идентичности через трагические события. В этом процессе создания гражданского культа задействованы шиитские традиции почитания мучеников [Sayfutdinova, 2014]. Современные практики на аллее также мемориальные, сюда привозят группы школьников, а также иностранные делегации.

Набережная Баку также стала объектом символического редевелопмента начала 2000-х гг. Бакинский бульвар (рис. 1б), разбитый на осушенной береговой территории, пережил несколько этапов трансформации смыслов и функций. В XIX в. эта часть города использовалась как складская портовая зона. В имперский период логистическая функция в центральной части сменилась рекреационной. На месте складов было построено общественное пространство с регулярным современным парком, которое стало местом рекреации и противопоставлялось традиционному пространству исламского города с узкими улицами и гендерным разделением. В советский период рекреационная функция сохранилась, а также появилось использование территории для демонстраций поддержки коммунистического режима, приуроченных к 1 мая, Дню Победы и 7 ноября. Парк был дополнен новыми символическими объектами (музеем Ленина и Домом Правительства), которые составили единый архитектурный ансамбль, завершавшийся памятником Кирову в Нагорном парке. С церемониальными функциями на территории Бульвара сочетался «культурный отдых» бакинцев: променады были одним из наиболее популярных мест встреч. В 1990-х гг. территория маргинализировалась из-за появления неформальной коммерции в киосках или на тротуаре, где торговали бедные мигранты, переехавшие из сельской местности. В 2000-е гг. Бульвар был включен в список стратегических объектов редевелопмента, который осуществлялся в рамках нефтяного неолиберального государственного проекта. Основной целью реновации стало возвращение месту прежних церемониальных и рекреационных функций и превращение в многофункциональную зону. Смене символического нарратива подверглись и окружающие объекты. Так, музей Ленина был преобразован в Национальный выставочный центр. Преобразование Бакинского бульвара было дополнено строительством роскошных жилых комплексов, которые продавали престижный адрес и вид на море [Darieva, 2011]. Внешний вид зданий на Бульваре демонстрирует попытку создать образ «Дубая-на-Каспии», привлекательного

для иностранных туристов и инвесторов (рис. 1в). Территория сегодня обладает выраженной сезонностью, которая проявляется в низкой посещаемости в зимнее время. Коммерческая активность в основном локализовалась в крупнейших торговых центрах, расположенных у концов Приморского бульвара, но сохраняются и стандартизированные ларьки. Бульвар отделен от городской застройки транзитным проспектом Нефтяников, название которого отражает наследие советской индустриальной эпохи.

Как и другие ключевые символические объекты, Бульвар причудливо сочетает символы глобальности и локализацию новой национальной идентичности. Частью проекта западного продолжения бульвара стала Площадь государственного флага. После реконструкции в 2024 г. на ней был установлен государственный флаг Азербайджана, попавший в Книгу рекордов Гиннеса как самый большой флаг в мире. Гражданский национализм символически продолжает старый бульвар нарратив символически приращивается и в восточной части бульвара, где 8 ноября 2024 г. был открыт мемориал, посвященный победе Азербайджана во Второй Карабахской войне. Этот мемориал окружен автомобильными дорогами, перейти которые можно только в немногочисленных установленных местах. К мемориалу прилегают «парадные» улицы – проспект 8 ноября и улица Юсифа Сафарова – фасады сталинских домов на них декорированы фальш-мансардами, а на всех балконах вывешены одинакового размера национальные флаги.

Объекты редевелопмента промышленных территорий: кейс Белого города. Идея «обеления» старопромышленного «Черного города» появилась в начале 2000-х гг. и была введена в дискурс лично президентом И. Алиевым как знаковый проект создания нового лица Баку. В 2006 г. началась зачистка старых зданий района и очищение земли от нефтяных загрязнений, что позволяло встроиться в общемировой «зеленый» тренд «устойчивого развития», значимый для страны по нескольким причинам. Во-первых, Баку, копируя опыт Дубая, пытался на доходах от нефти развивать туризм, а современные туристы формируют запрос на экологичность. Во-вторых, Азербайджан стремится поменять свой имидж на международной арене, что также выразилось в проведении в Баку конференции ООН по изменению климата в 2024 г. (COP29).

Генплан проекта³ подразумевает создание 10 внутренних районов, 15 млн м² жилой площади на 1650 га городской территории (рис. 2). Однако, на настоящий момент реализованы целиком только 3 района, 1 – на финальной стадии строительства, 3 – имеют единичные объекты нежилой инфраструктуры, составляющие совокупно менее четверти планируемой площади застройки. Сейчас на месте будущих частей «Белого города» находятся малоэтажные поселки Кешла, НЗС и Хази Асланов, до сих пор включающие в себя промышленную инфраструктуру.

Три достроенных района представляют собой подобие треугольника. Его периметр обрамлен «парижскими» кварталами (рис. 3а), лицевая сторона (имеющая выход к проспекту 8 Ноября и будущему приморскому бульвару) дополнена крупными коммерческими объектами. Особое место занимает небольшой участок внутри района: он недоступен для посторонних, огорожен от улицы сначала барьером домов «французского стиля», а затем забором с единичными контролируемым заездами. Коттеджи, расположенные здесь – типичный пример «Gated community», создающий еще большую исключительность в сравнении с и так элитным окружением (рис. 3б). Таким образом, за ширмой регулярных кварталов спрятано от лишних глаз сверхэлитное пространство.

Белый город не работает как полноценное городское пространство (рис. 3в). Несмотря на то, что здания построены уже более 10 лет назад, они остаются полупустыми, а за многими окнами виднеются голые стены. На широких тротуарах почти нет людей вне зависимости от времени суток, коммерческие помещения на первых этажах пустуют. Отсутствие жителей в городе не означает отсутствие собственников, квартиры здесь покупаются как инвестиция. Позволить себе жить в Белом городе может крайне малая доля бакинцев (средняя стоимость квадратного метра здесь пример в 2 раза выше средней по центральным районам и в 3–4 раза выше, чем по городу в целом), к тому же район не может похвастаться обилием инфраструктуры. *Жить в Белом городе не полагается*, однако на него нужно смотреть, как на достопримечательность и символ.

³ <https://bakuwhitecity.com/ru/buildings>

Внутренние районы Белого города Баку



Рисунок 2 – Завершенность строительства внутренних районов Белого города Баку. Составлено авторами

Анализ коммерческого разнообразия подтверждает символическую функцию района. Представлены лишь 2 основных категории: заведения общественного питания и магазины для строительства и ремонта (рис. 4). Практики в кафе копируют общий мотив «парижских» кварталов: люди приходят сделать красивые фото для социальных сетей. Главные места концентрации расположены вдоль центральной оси района и его лицевой части в сторону моря.

Несмотря на декларируемую сайтом проекта «...продуманную интеграцию нового участка в уже существующий городской контекст...», нынешний Белый город с трех сторон ограничен крупными автомагистралями. Их агрессивная барьерность неслучайна: каждая отгораживает Белый город от «нежелательных» соседей: с юга – от стройки продолжения бульвара, с запада – от основной части города, в этом месте представленного трущобным самостроем, а с севера – от

малоэтажного поселка Кешла. Самая резкая граница находится с востока, где находящийся на возвышенности Белый город отгорожен высокой стеной и трубами от расположенной в низине Кешлы (рис. 5). Так барьерные объекты фиксируют статусную и имущественную геотеротопию, превращая символические объекты в подобию «белых городов» Средневековья [Терборн, 2021]. Они также огорожены со всех сторон рвами-автомагистралями и стенами, отделяющими высшие сословия от низших, живущих в низине, под стеной.



Рисунок 3 – а) «Парижские» кварталы, б) «Gated community» внутри района, в) архитектурный рендер, размещенный в подземном переходе. Фото участников экспедиции

Плотность и специализация коммерции Белого города Баку

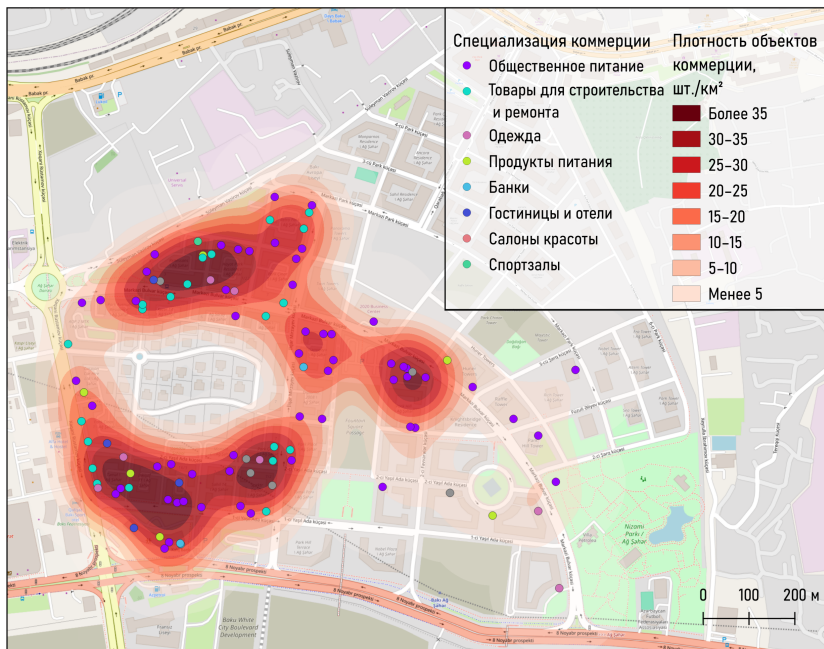


Рисунок 4 – Плотность и специализация коммерции в Белом городе Баку. Составлено авторами

Культурный центр Гейдара Алиева, наряду с Пламенными башнями и Белым городом, представляет собой символ репрезентации статуса Баку как глобального города [Koch, Valiyev, 2015]. Здание центра было построено в 2007–2012 гг. по проекту знаменитого архитектора Захи Хадид. Комплекс включает в себя конференц-зал, библиотеку, медиацентр, зону общего пользования, музей, крытую парковку, галереи, сервисный центр и рекреационную зону с искусственным озером⁴. Как и Пламенные башни, строительство объекта

⁴ Heydar Aliyev Cultural Complex // Daax Construction. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.daaxconstruction.com/projects/heydar-aliyev> (дата обращения 04.03.2025). Flame Towers // Daax Construction. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.daaxconstruction.com/projects/flame-towers> (дата обращения 04.03.2025).

велось застройщиком DIA Holding. Ранее на месте центра располагалась промышленная зона. Объект также находится на оси барьерного проспекта Гейдара Алиева, пересечь который пешеход может только с помощью подземного перехода (рис. 5б) .



Рисунок 5 – Барьерные объекты: а) стена между Белым городом и поселком Кешла; б) барьерные магистрали вокруг центра Гейдара Алиева. Фото участников экспедиции

Пригородные нереализованные объекты. Остров Пираллахи, расположенный к востоку от Апшеронского полуострова, служит ярким примером нереализованного до конца проекта. На острове еще с советских времен ведется добыча нефти, в то же время появились первые поселения и инфраструктура, а в постсоветское время произошла попытка превратить место в курорт⁵. Это начинание увенчалось провалом: территория покрыта недостроенной туристической инфраструктурой, пустующими каркасами коттеджей и многоэтажных отелей. Реализованы для локализации символических событий лишь незначительные фрагменты грандиозного плана (рис. 6а): построена часть комплекса «Нараканд»⁶, на территории которого в 2024 г. про-

⁵ Pirallahı rayonunda turizmin inkişaf potensialı. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://pirallahi-ih.gov.az/az/news/776.html> (дата обращения 05.03.2025).

⁶ Pirallahının dəyişimi: Qədim Bakı adası yeni turizm mərkəzinə çevrilir – FOTO – VİDEO. Режим доступа: <https://1news.az/az/news/20200902122457789-Pirallahinin-deyishimi-Qedim-Baki-adasi-yeni-turizm-merkezine-chevrilir-FOTO-VIDEO> (дата обращения 05.03.2025).

ходили соревнования Red Bull. Сегодня и это небольшое благоустроенное пространство пустует.

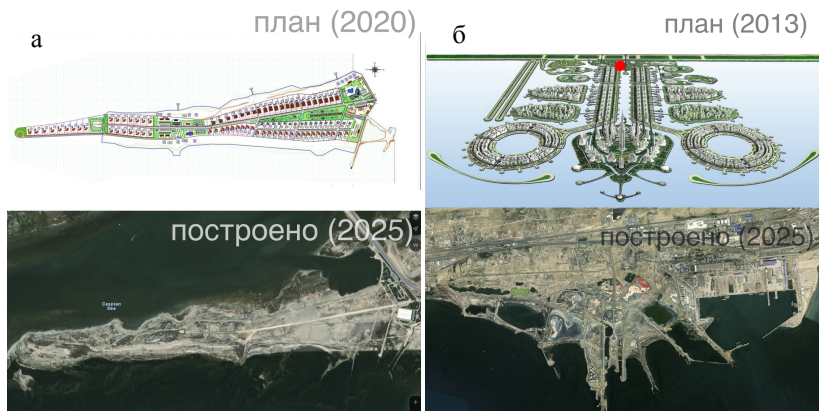


Рисунок 6 – Планы и реальность символических объектов на Апшеронском полуострове: а) комплекс «Нараканд» на о. Пираллахи; б) Хазарские острова. Источник: <https://www.sinalcogroup.com/portfolio-khazar-islands-city-hall/> (дата обращения 08.03.2025)

Пираллахи – часть истории неудачных попыток реализовать островной мегапроект⁷, которая продолжается по сей день⁸. Самым амбициозным примером подобного в 2010 г. стали «Хазарские острова» – проект по созданию искусственных островов в 25 км к югу от Баку. Согласно плану, там должен был появиться город-миллионник с сотнями школ, больниц, гоночной трассой для Формулы-1, самый длинный в мире бульвар и самый высокий в мире небоскреб. Символически сам выбор места – изоляция нового элитного будущего на

⁷ Zira island Masterplan by BIG. Режим доступа: <https://www.dezeen.com/2009/01/30/zira-island-masterplan-by-big/> (дата обращения 05.03.2025).

\$2 billion Azerbaijan Tower to usurp Saudi Arabia's Kingdom Tower as world's tallest. Режим доступа: <https://www.webcitation.org/6Div9JPQ3?url=http://www.digitaltrends.com/lifestyle/2-billion-azerbaijan-tower-to-usurp-saudi-arabias-kingdom-tower-as-worlds-tallest/> (дата обращения 05.03.2025).

⁸ Подписан указ о создании искусственных земельных участков на Каспии. Режим доступа: <https://qafqazinfo.az/news/detailru/-28860> (дата обращения 05.03.2025).

острове, в отрыве от сформированного городского пространства. Продавалась картинка образа жизни, независимого от проблем Баку, а тем более – остального Азербайджана. Заявленные масштабы таковы, что крайне сложно предположить, что план собирались реализовать в сколько-то полном объеме. Значимым тут становится воображаемое пространство, медиа-эффект «самого крупного в мире» разлетается вне зависимости от реализации. Строительство началось в 2011 г., в период экономического бума. К моменту краха нефтяных цен в 2015 г. некоторые небоскребы уже были построены, открыта основная часть пляжа, привлечены инвесторы из США, Турции, Китая. Как и в историях с остальными нереализованными концептами, деньги девелопера кончились, интерес властей сместился к новым проектам, обещающим блестящие перспективы, а работа над Хазарскими островами так и не возобновилась. Апшеронский полуостров сегодня – настоящее кладбище-энциклопедия территорий, принесенных в жертву медиа-символической функции и похороненных под недостроенными объектами.

Выводы. В эпоху постсоветского нефтяного авторитарного развития Баку радикально усилил символическую составляющую, сочетающую направленные внутрь компоненты-символы национальной идентичности с глобализованным, подчеркнуто нелокальным (вплоть до копирования парижской османизации) стилем небоскребов и других объектов, призванных транслировать глобальный статус города в глазах его правящей элиты.

Для символических объектов в Баку характерна изолированность от основной ткани города. Как правило, они отделены от окружения барьерными транспортными магистралями и максимизируют визуальную функцию, в особенности вид из окна движущегося автомобиля. Символические проекты строятся в логике бустеризма, подчеркивая уникальность и визуальную выразительность именем звездного архитектора, но не предполагая максимизации функционального использования или включенности в городской контекст. В контексте трансформации функциональных зон символические объекты сохраняют исключенность территорий из пространства повседневных практик. Даже те проекты, которые строятся с целью превращения в жилой район (Белый город), не заселены, наследуя исключенность ранее существовавшей промышленной зоны. Статусные объекты ис-

ключают сами себя из городского контекста, разрывая пространство барьерами и время эпизодичностью своего использования только во время символических, транслируемых вовне – остальной стране или остальному миру – событий.

Результатом становится прогрессирующая гетеротопия, границы которой материализуются в виде стен, труб, непересекаемых магистралей. Конфликт масштабов власти приводит к превращению города – и в еще большей степени его пригородной зоны – в авторитарную символическую песочницу, где надгородские акторы пробуют реализовывать очередные рассчитанные на медиа-резонанс идеи, пополняющие кладбище нереализованных символических проектов.

Благодарности. Авторы выражают признательность доценту Университета ADA доктору Анару Валиеву за глубокие экспертные обсуждения и помощь в организации исследования, а также исполнительному директору Института географии НАНА имени академика Г. Алиева доктору Зауру Имрани и профессору Университета Чанакале доктору Айдыну Ибрагимову за помощь в организации исследования.

Список литературы

1. Аксенов К. Э., Андреев М. В. Городская символическая политика и пространственная диффузия геополитических инноваций в Российской Федерации // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2022. Т. 85. № 6. С. 870–887.
2. Смирнягин Л. В. Методические подходы к районированию в общественной географии // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2011. № 6. С. 13–19.
3. Терборн Й. Города власти. Город, нация, народ, глобальность. М.: Издательский Дом ВШЭ, 2022.
4. Brenner N. New urban spaces: Urban theory and the scale question. Oxford University Press, 2019.
5. Cartier C. The state, property development and symbolic landscape in high-rise Hong Kong // Landscape Research. 1999. Vol. 24. No. 2. P. 185–208.
6. Darieva T.A. Remarkable Gift in a Postcolonial City: The Past and Present of Baku Promenade // Darieva T., Kaschuba W., Krebs M. (ed.). Urban spaces after socialism: Ethnographies of public places in Eurasian cities. Frankfurt: Campus Verlag, 2011. P. 153–180.

7. Debord G. *Théorie de la derive* // *Les Lèvres nues*. No. 9. 1956. P. 77–85.
8. Diener A.C., Hagen J. From socialist to post-socialist cities: narrating the nation through urban space // *Nationalities papers*. 2013. Vol. 41. No. 4. P. 487–514.
9. Foucault M., Miskowiec J. *Of Other Spaces* // *Diacritics*. 1986. Vol. 16. No. 1. P. 22–27.
10. King A.D. Worlds in the city: Manhattan transfer and the ascendance of spectacular space // *Planning Perspectives*. 1996. Vol. 11. No. 2. P. 97–114.
11. Koch N., Valiyev A. Urban boosterism in closed contexts: Spectacular urbanization and second-tier mega-events in three Caspian capitals // *Eurasian geography and economics*. 2015. Vol. 56. No. 5. P. 575–598.
12. Kong L. Cultural icons and urban development in Asia: Economic imperative, national identity, and global city status // *Political Geography*. 2007. Vol. 26. No. 4. P. 383–404.
13. Nas P.J.M. (ed.) *Cities full of symbols: a theory of urban space and culture*. Leiden University Press, 2011.
14. Sklair L. *The icon project: Architecture, cities, and capitalist globalization*. Oxford University Press, 2017.
15. Smith N. *Geography, difference and the politics of scale* // *Postmodernism and the social sciences*. London: Palgrave Macmillan UK, 1992. P. 57–79.
16. Tuan Y.F. *Topophilia: A study of environmental perception, attitudes, and values*. Prentice-Hall, New Jersey, 1974.
17. Valiyev A. The post-communist growth machine: The case of Baku, Azerbaijan // *Cities*. 2014. Vol. 41. P. S45–S53.
18. Valiyev A. *Urban Development Baku: From Soviet Past To Modern Future* // *Caucasus Analytical Digest*. 2016. No. 87. P. 5–7.
19. Sayfutdinova L. The alley of martyrs: Deaths, memory and the nation // *Caucasus Analytical Digest*. 2014. No. 66. P. 14–16.